

СОЦИАЛЬНОЕ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ

А.В. Миронов

Севастопольский государственный
университет,
Севастополь, Россия

andreyvmironov@gmail.com

В статье рассматривается проблема участия гражданина в политическом процессе, связанная с трудностями социальной коммуникации. Дистанцирование индивида от общественной системы формируется вследствие негативного опыта, полученного при столкновении с латентной составляющей политического участия. Анализируются исторические особенности соотношения личностной самоидентификации и общественного мнения. Представлена взаимосвязь политического участия и семейной традиции. Государственное давление на индивидуальное сознание оборачивается скрытой формой социального одиночества. Чем радикальнее политическое учение, тем негативнее его отношение к проявлениям социального одиночества. Принуждение к общественному образу жизни, участию в совместной социальной деятельности формирует устойчивый феномен страха перед государством, коллективом, обладающим правом на насилие, регламентацию мировоззрения, вторжение в частную жизнь. Политические перемены трансформируют виды социального участия, ценностное значение общественной деятельности. Социальное дистанцирование можно считать потенциальной предпосылкой конфликта индивида и общества. Можно говорить о новом явлении – скрытом социальном одиночестве, т. е. разрыве внутреннего убеждения и демонстрируемого поведения. Скрытое ощущение социального одиночества трансформирует личность в показного исполнителя, заставляет переживать вынужденную публичность. Политическая система в определенных случаях является препятствием для развития социальной коммуникации.

Ключевые слова: одиночество, политический процесс, семья, обособление, политическое участие, общественное мнение.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.2-43-50

Особенностью современного политического этапа является широко представленная публичность политических лидеров и их окружения. Через средства массовой информации, электронные сети мы узнаем о скандалах, разоблачениях, закулисных интригах, фальсификациях во властных структурах. Скрыть удастся немногое. Демократические выборы предполагают широкое освещение данного события, но превалирует критика не программных документов, а личностных проявлений кандидатов во власть, касающа-

яся их материальных интересов, частной жизни, вовлеченности в сомнительные махинации. Избирателю предлагается самому отделять правду от клеветы. По мере возрастания массива негативной информации данная операция становится всё более трудоемкой, сомнительной, лишённой смысла. Неприятие всего этого по большей части переносится не на конкретного политика, а на всю политическую сферу в целом, которая ассоциируется с безнравственным, неприличным. Желание участвовать в этом процессе исчезает на том

основании, что индивид не согласен принять часть негативного и разделить его со своим «Я». Дистанцирование от официального – первая фаза социального одиночества. Связи с социальной системой еще сохраняются, но предлагаемые обществом обстоятельства вызывают негодование и возмущение.

Данная тема рассматривается в западной философии, антропологии и социологии. Основной акцент в понимании проблемы социального дистанцирования делается на личных качествах индивида, его общественном статусе, способности к межличностной коммуникации. Американские авторы, исследующие этот вопрос, считают причиной социальной изоляции особенности психического развития, детских переживаний, специфики воспитания (Х.С. Салливан и Дж. Зилбург), столкновение с «пограничными ситуациями» (К.Э. Мустакис), бессмысленность существования (К.Р. Роджерс), несоответствие внешних и внутренних процессов (А.Э. Пепло), отсутствие социального партнера в ближнем окружении (В. Дж. Дерлеги и С.Т. Маргулис) [6, с. 152–169]. Английский ученый Э. Бауман считает социальное дистанцирование следствием «безбрежной индивидуализации», которая стремится к свободе через деструкцию общественных ограничений [2, с. LIII–LIV].

В политической жизни разлом между человеком и обществом охватывает отношения между элитой и рядовыми членами партии, между партийной структурой и народом, который она пытается представлять. Право выступать от имени всех превращается в возможность узурпирования интересов большинства, передавшего свои полномочия конкретному человеку или группе лиц. Ослабление диктата,

демократические преобразования меняют ситуацию, допуская индивида к отстаиванию своей позиции.

Партии тоталитарного типа используют преданность, доходящую до фанатизма, как рычаг давления и устрашения окружающих. Резкие смены курса, противоречащие идеологии альянсы, террор против партийцев элита объясняет исторической ситуацией и требует поддержки большинства. Страх остаться одному, недопущение к деятельности, с которой индивид связан по идейным соображениям, заставляют людей выступать против своих убеждений. Манипулирование темой предательства, измены приводит к полной подчиненности гражданина, грозящей утратой собственных представлений. Сопротивляющиеся этому давлению рискуют лишиться внешней и внутренней принадлежности к социальному целому. Полное отождествление с партийной группой содержит угрозу личностного разрушения. Но «принесение жертв» входит в правила игры. Дальнейшая судьба, внутренние переживания проигравшего, его неприкаянность в социальном мире рассматриваются как закономерности естественного отбора. Просчет в собственных эмоциональных и психологических возможностях оборачивается против индивида, переоценившего свои силы. Изгнание, осуждение, неудача в политической борьбе трактуются общественным мнением как показатель несостоятельности личности и становятся препятствием для дальнейшей социальной деятельности.

В демократически устроенных государствах серьезной проблемой признается избыток бюрократического влияния на население. Профессионалы-управленцы сосредоточивают в своих руках основ-

ные функции общественного механизма. Гражданин сталкивается с чиновниками и отождествляет их поступки с государством, т. е. с некой силой, обладающей правом принуждать, ограничивать в правах, оказывать давление. Чиновник позиционирует свою функцию как право на истину в последней инстанции, воспринимая гражданина как некое бремя, потребляющее время, энергию, интеллектуальный потенциал. Всевластие бюрократии формирует в обществе незримые границы между зависимыми от нее, равными и вышестоящими, где критерием выступают материальные возможности, использование властных полномочий в личных целях, административные возможности. Превращение законов в формальность и ориентация на неписаные установки во взаимоотношениях с теми, от кого зависит полноценное существование отдельных членов общества, подвергают сомнению базовые принципы социального бытия.

Равенство перед законом реализуется установлением общественного контроля над исполнительными органами. Индивид в этом случае выступает как самостоятельный и свободный субъект общества. Но в государствах, возникших на постсоветском пространстве, права гражданина, закрепленные Конституцией, ограничиваются произволом чиновников. Если в западных демократиях традиция критического анализа государственной деятельности играет существенную роль, подобная деятельность в пределах бывшего СССР становилась причиной отчуждения от социума и предоставляла человека самому себе. Материальное неравенство, не контролируемое государством, стимулирует теневой пласт жизни, в котором значимость того или иного лица определя-

ется его доходами. Бюрократический аппарат подчиняется (не без собственного интереса) давлению состоятельного слоя, не оставляя рядовому гражданину уверенности в торжестве закона и справедливости. Подобный барьер, препятствующий участию в социальной деятельности, становится символом социального разделения. Негативные эмоции, полученные при столкновении с ним, суммируются и выработывают стойкий рефлекс на удаление от общественной системы. Выпадая из социальной целостности, гражданин переносит часть своих прав в альтернативные системы или купирует их как невостребованные. Бюрократия представляет опасность гражданского общества не только тем, что ставит преграды для его развития, но прежде всего своим негативным влиянием на мировоззрение граждан, переставших ощущать себя значимым элементом социальной структуры. Уход в социальное, политическое одиночество есть следствие перекрытия каналов реализации своей гражданской сущности.

Ф. Бэкон утверждал: «Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношения господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь и господствует» [3, с. 646]. М. Вебер выделяет три вида оснований власти: авторитет, традиции, харизму, которые обосновывают подчинение. Но легитимность их раскрывается через доверие (к результатам выборов, способам получения данных, достоверности биографий кандидатов, их профессиональ-

ной компетентности и т. д.). В античный и средневековый периоды европейской истории авторитет монарха для обычного человека был абсолютным. В нем сочетались физическая сила, мудрость, совершенство, сакральность и, таким образом, определялся центр общества, объединяющий граждан под своей эгидой. Индивид находился в сфере его власти, уповая на высшую справедливость, подчинялся законам и правилам, которые в его сознании ассоциировались с вечным и неизменным устройством государства.

Демократические преобразования, устраняющие сословные барьеры, активно используют критический потенциал общества. Современная политическая система рассматривает всеобщее избирательное право как одно из наивысших достижений цивилизации. Однако уничтожение ореола абсолютности, превосходства, всемогущества власти и замена его равенством всех людей оставили средне-статистического человека без кумиров, которым он привык доверять, подчиняться, отождествлять со своим бытием. Равенство *всех* граждан включает допущение у государственных лидеров тех же слабостей, пороков, несовершенств, что присущи и обычному человеку. В силу этого избранный лидер не может автоматически, «по должности» претендовать на роль объединителя социальной системы. Разочарование в политических лидерах влечет за собой разочарование в программах, принципах, партиях, которые они представляют. Таким образом, участие в политическом процессе утрачивает свою привлекательность.

В современном обществе весьма важны семейные ценности. Эффективность их реализации стимулирует политическое

участие. Традиции, культивируемые в семье, передаются по наследству вместе с материальными ценностями и формируют мировоззрение гражданина в силу преемственности семейных политических пристрастий. Еще Аристотель отмечал, что «из детей потом вырастут участники политической жизни» [1, с. 481].

Семья, состоящая как минимум из двух потенциальных выборщиков, становится объектом активного политического воздействия. Тоталитарные режимы допускают вмешательство в дела семьи: контроль, регламентацию, манипулирование. Семья становится рычагом политического давления, т. е. человек лишается убежища от государства. Ответственность за близких во многом понижает уровень политической конфронтации, делает гражданина более управляемым, конформистски настроенным. В большинстве тоталитарных режимов наказание за социальное инакомыслие распространялось и на членов семьи («член семьи изменника родины», «член семьи врага народа»). Отчуждение от государства замыкает индивида на семью как ячейку, иллюзорно свободную от политического давления, но если и в семье существует политическая опасность, то в этом случае человек остается наедине с собой, у него отнимается последняя возможность остаться независимым.

Революционная семья в СССР должна была отвечать пролетарской целесообразности. Ничего личного, только классовые интересы определяют создание «ячейки общества». Условия к выбору партнера достаточно жесткие: «лицо классово-любовно-близкое». Социальное происхождение — главное требование к избраннику или к избраннице. «Класс в интересах пролетарской борьбы имеет право вмешиваться в

половую жизнь своих членов. Половое отношение должно подчиняться классовому, причем последнему не мешая, во всем его обслуживая» [4, с. 348]. Политическая деятельность становилась неотъемлемой частью личной жизни, мотивация к ней распространяется на все сферы человеческого приобщения.

Чем радикальнее политическое учение, тем негативнее его отношение к проявлениям социального одиночества. Стремление к максимальному объединению во имя высших (с точки зрения руководителей партии) целей заставляет с подозрением относиться к любым индивидуальным проявлениям личности. Демонстрация собственного мнения, взглядов, образа жизни воспринимается как враждебная позиция относительно предлагаемой идеологии. Настороженное отношение вызывают не только отдельно взятые личности, но и целые социальные группы, более склонные к замкнутости, удалению от коллективного целого. История XX века содержит примеры, когда проблема социального одиночества и пути ее решения становились трагедией для десятков тысяч человек. Социальный эксперимент, проводимый красными кхмерами, предполагал построение идеального общества, куда предлагалось сразу, без подготовки, перейти всему населению Кампучии. Чтобы существовать в атмосфере единения и коллективизма, нужно было избавиться от тех, в ком традиционно сконцентрированы пороки капитализма и потенциально присутствовали задатки контрреволюции. «Вредные знания», полученные в процессе обучения и деятельности, способствуют акцентуации на личностное начало. Чтобы ускорить достижение «светлого завтра», интеллигенция и священнослужители

подлежали тотальному уничтожению, так как плохо поддавались перевоспитанию, цеплялись за собственное «я», сомневались в эффективности прорыва в новую жизнь. Склонность к самоустранению, рефлексии, критическим высказываниям рассматривалась лидером красных кхмеров Пол Потом как опасность для социалистической общности, равная по своей действенности и влиянию на окружающих вооруженному сопротивлению. Принуждение к общественному образу жизни, участию в совместной социальной деятельности формирует устойчивый феномен страха перед государством, коллективом, обладающим правом на насилие, регламентацию мировоззрения, вторжение в частную жизнь. Общественное мнение выражает ожидаемое, одобряемое, востребованное социальной системой. Лицемерие утверждается как наиболее адекватная форма социального бытия. Вопреки убеждениям, чувствам индивид должен позиционировать себя как активный участник происходящего.

Важным моментом является эмоциональный фон существования индивида в семье. Положительные эмоции, получаемые в семье, уменьшают социальный порыв, и человек довольствуется радостями общения с близкими. В противном случае сферой его самореализации, позволяющей раскрыть внутренний потенциал, становится социальная и политическая деятельность. Семья – противовес социальному одиночеству, но и в ней внешние проявления должны соответствовать всем канонам группы, круга общения. Деятельность в сфере политики проверяется семейными критериями. «Холостые мужчины – лучшие друзья, лучшие хозяева, лучшие слуги, но не всегда лучшие под-

данные, ибо скорее готовы покинуть свою страну, и почти все беженцы относятся к этой категории людей... Несомненно... одинокие, хотя они во много раз щедрее женатых, ибо обладают большими возможностями делать милость, вместе с тем всё же более жестоки и бесчувственны, потому что к их нежности не так часто взывают» [2, с. 366]. Социализация через политику предполагает выбор личностного участия, семья в такой ситуации выступает в качестве положительного или отрицательного стимула: способствует действиям, направленным к созданию определенной социально-политической общности с собственными интересами, или стимулирует политическую индифферентность в силу неучастия в коммуникативных процессах.

Можно говорить о новом явлении – скрытом социальном одиночестве, т. е. разрыве внутреннего убеждения и демонстрируемого поведения. Подобная ситуация связана не только с тоталитарной формой правления. Либеральная позиция оставляет за гражданином право на область, свободную от контроля государства. Баланс поддерживается установками, опытом, убеждениями, законами. Но и в демократически устроенном государстве принадлежность к определенной профессии, группе, сообществу, традиции и уклад, исторически сформированные определенным статусом, репутацией, амбициями, ролью в общественных процессах, не оставляют выбора приложению личностных качеств. В максимальной степени такая позиция раскрывается в фамильных политических и финансовых кланах Европы и США. Принадлежность к ним требует социально подчеркнутых видов деятельности, направленных к продолжению

наследственной политической линии. Личное ощущение вытесняется давлением среды, к которой принадлежит индивид. Установка на общественное участие тождественна государственному насилию, просто в виде санкций применяется диктат окружения, воспринимающего любое отступление от установившегося стандарта как несостоятельность, отсутствие необходимых амбиций. Конфликт перерастает в противостояние с миром, не позволяющим проявить подлинную сущность. Любая возможность отстранения от чуждых обязанностей становится стимулом к бегству, самоизоляции. Необходимость скрывать подлинные чувства – драма человека в современном мире. Скрытое ощущение социального одиночества трансформирует личность в показного исполнителя, заставляет переживать вынужденную публичность.

Массовое сознание остро реагирует на политическую фальшь. Одинаковые возможности для всех в реальности оказываются не более чем фразой из предвыборных выступлений политиков. Закрытость механизмов взаимодействия между гражданином и государством, закрытость сферы принятия решений становится поводом не только для критики отдельных персон, партий, объединений, но и формирует универсальное чувство отторжения от всех общественных структур, связанных с властью, так как именно с ней ассоциируется социальная несправедливость. «Параллельность» существования индивида и общества отдаляет человека от сферы политики и, как следствие, приводит к равнодушию и апатии относительно происходящего в социальном пространстве. Бессилие перед властью перетекает в пассивность гражданской позиции. Финаль-

ной точкой становится признание индивидом негативного статуса за любыми социальными процессами. В этом случае человек устраняется от совершенствования себя как социального индивида, переключаясь на своей внутренней мир как единственную реальность, заслуживающую его пристального внимания.

Литература

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – 829 с.
2. *Бауман* З. Индивидуализированное общество [Электронный ресурс]. – М.: Логос, 2005. – URL: <http://yanko.lib.ru/books/>

sociology/bauman-individualized_society-2005-ru-a.htm (дата обращения: 18.11.2016).

3. *Бэкон* Ф. Опыты, или Наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 528 с.
4. *Вебер* М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х годов / сост. и авт. примеч. М.А. Макаревич; под ред. А.А. Гусейнова, М.В. Искова, Р.В. Петропавловского – М.: Политиздат, 1989. – 510 с.
6. *Перлман* А., *Пенло* А.Э. Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества: сборник статей: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 152–169.

SOCIAL DISTANCE AND POLITICAL PARTICIPATION

A.V. Mironov

Humanitarian and Pedagogical Institute
of the Sevastopol State University,
Sevastopol, Russian Federation

andreyvmironov@gmail.com

The article considers the problem of citizen participation in the political process associated with social communication difficulties. An individual is moving away from the social system, due to the obtained negative experiences after the confrontation with the latent component of political participation. The author analyzes the historical characteristics of the personal identity and public opinion ratio. He also highlights the relationship of political participation and family traditions. State pressure on the individual consciousness turns into a hidden form of social loneliness. The more radical a political doctrine is the more negative attitude to social loneliness it demonstrates. Enforcement of social lifestyle, active participation in mutual social activities form settled fear before the State, a group, possessing the right to coercion, the world view regulation, and to the invasion of privacy. Political changes transform the kinds of social participation, values and meanings of social activities. Social distance may be considered as a potential prerequisite of a conflict between an individual and a society. We can speak about a new phenomenon, hidden social loneliness, i.e. a gap between intrinsic beliefs and demonstrated behavior. The feeling of hidden social loneliness transforms a person into an ostentatious performer; it makes a person feel forced publicity. A political system in some cases can hinder the development of social communication.

Keywords: loneliness, political process, family, isolation, political participation, public opinion.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.2-43-50

References

1. Aristotel'. Politika [Politics]. Aristotel'. *Sochineniya*. V 4 t. T. 4 [Tractates. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 829 p. (In Russian)
2. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2005. (In Russian) Available at: http://yanko.lib.ru/books/sociology/bauman-individualized_society-2005-ru-a.htm (accessed 18.11.2016)
3. Bacon F. Opyty, ili Nastavleniya nrvstvennye i politicheskie [Essays]. Bacon F. *Sochineniya*. V 2 t. T. 2 [Tractates. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 528 p. (In Russian)
4. Weber M. Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a vocation and profession]. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [The selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p. (In Russian)
5. Makarevich M.A., comp. *Partiinaya etika: dokumenty i materialy diskussii 20-let godov* [Party ethics: documents and discussion materials 20-ies]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 510 p.
6. Perlman D., Peplo L.E., [Theoretical approaches to loneliness]. *Labirinty odinochestva: sbornik statei* [The labyrinth of solitude: collection of articles]. Translation from English. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 152–169. (In Russian)